

Бездонная лужа

Иногда мне кажется, что ничего и не произошло. Всё как и прежде, всё без изменений. Всё тот же дождь, осенняя холодная погода и бесконечные огромные лужи, раскинувшиеся то тут, то там. Они мешают идти и я вынужден всё время обходить их, иначе сгину как Марк.

Всё как и прежде. Я кутаюсь в длинное серое пальто, моя шляпа вот-вот слетит с головы под порывами сильного ветра, и я едва успеваю схватить её рукой, как в ту же секунду с неба устремляются вниз миллиарды крупных тяжёлых, как выпущенные из древних мушкетеров, пули-капли.

Всё как и прежде. Кольца длинного красного шарфа плотными витками обхватили мою шею – и это единственное, что меня спасает от простуды. Туфли давно промокли и в них весело хлюпает холодная вода, пробегая между окоченевших пальцев.

Всё без изменений. Вот только Марка не хватает.

Мы всегда ходили вместе на занятия. Наш университет находился в миле от дома, который мы вместе с ним снимали за четыре шиллинга в сутки. Не весть что, но жить можно. Да и Марк не особо перебирал харчами. Всё, что ему было нужно – это письменный стол и кровать. Впрочем, я тоже не прихотлив.

Мы прожили в одной квартире довольно долго. За годы нашего знакомства я привык к странностям своего соседа. Сперва я удивлялся, негодовал и противился, но со временем смирился со всеми его выходками. Например: он никогда не гасил свет. Ложась спать, он оставлял зажженной керосиновую лампу на столике возле своей кровати и только тогда спокойно засыпал. А когда керосин заканчивался, он с ужасом хватал шляпу и выскакивал на улицу, зажав в руке пару пенсов. Возвращаясь с приобретённым в соседней лавке керосином, он умиротворённо зажигал лампу и, окончательно успокоившись, засыпал. Но к этому я привык быстрее. Гораздо сложнее было понять его, когда в конце зимы он, как угорелый, бегал по городу и скупал у цветочников все подснежники! Он швырял деньгами как мог, но в конце дня в цветочных лавках не было ни одного подснежника. Сначала я шутил, цитировал Гёте, а затем серьёзно призадумался – не болен ли он? Что-то непонятное происходит в его голове. И я пугался всякий раз, когда он выкидывал новую штуку, вроде той, которая произошла одним осенним вечером.

Как всегда мы возвращались уставшие с учёбы домой под проливным дождём. Экономя на кэбе, Марк скупал подснежники и керосин, а я из солидарности плёлся за ним, создавая ему таким образом компанию.

Я так и не понял, что же всё-таки произошло. Помню, лишь, что обратил внимание на его новую странность – ступать прямо по лужам. Его башмаки погружались в воду на два-три дюйма и очередная грязная холодная лужа грозила затопить обувь до краёв. На мои окрики он не обращал ни малейшего внимания. Круги расходились по воде от его ног, а я едва поспевал за ним, перепрыгивал через лужи, ища островки ещё не залитые дождём.

Его нога громко плюхнула в большую лужу, подняв брызги. Я снова напомнил ему о реальности подхватить насморк, а ещё того хуже – ангину, но он меня не слышал. Марк молча шагал вперёд, глядя только перед собой. Ему было всё равно, что под ногами – вода или твердь. У него была цель – прийти домой и зажечь лампу. Казалось, что смысл жизни и заключался в этом.

Меня начала выводить его отрешённость. Я позвал его по имени, но он не отвечал. Он просто шёл вперёд. Вперёд по лужам.

И вот, не доходя пару ярдов до нашего дома, он остановился. Путь преградила огромных размеров лужа. Марк стоял в замешательстве пару секунд, а потом решительно ступил в

воду. Я крикнул. Он обернулся, удивлённо взглянув на меня. Его бледное лицо в тот момент показалось мне не более, чем маской – глаза печально взирали на меня, а нежные детские черты попросту исчезли. Мы смотрели друг другу в глаза секунду, не более. Когда же его нога опустилась в воду, он всё ещё продолжал смотреть на меня. Вдруг в его глазах сверкнуло пламя ужаса и страха, рот отчаянно дёрнулся. Его фигура качнулась и, будто упав в пропасть, скрылась под грязной водой.

Всё, что я успел заметить – это вскинутые вверх руки Марка и это печальное, бледное, испуганное выражение лица...

Что есть силы я рванул в сторону, где только что исчез под водой Марк. Из под моих ног вылетали галлоны воды – я спешил на помощь другу.

Добежав до злополучной лужи, я, трясаясь от волнения, пытался отыскать его на поверхности, но его и след простыл. В месте, где он упал, слегка пенились расходящиеся в стороны круги, а на мутной серой глади одиноко плавала шляпа Марка.

Я закричал. Но никто не ответил мне. Я долго выкрикивал его имя, бегая взад-вперёд по огромной луже, но вода едва ли доходила мне до щиколотки. Встав на четвереньки, я рыскал руками под водой, но ничего не нашёл. Промокнув до нитки, я стоял в луже и громко звал его.

Он исчез...

Полиция просто выехала посмотреть на сумасшедшего, мне даже никто не помог. В университете на меня удивлённо смотрели, когда я срывающимся голосом рассказывал о несчастье, произошедшем с Марком. «Марк? Кто это?» Его никто не помнил. Казалось, что его никогда и не было. Но ведь не придумал же я это всё?!

Так или иначе – он исчез...

Всё как и прежде. Только без него.

Я бросил университет. В дождь не выхожу из дома, лишь по крайней необходимости. Обхожу лужи стороной. А приходя в дом, зажигаю керосиновую лампу и с тоской гляжу на заставленные цветами вазы, которые стоят везде, где было место. Да, это подснежники.

Я боюсь луж. Боюсь, что когда-нибудь и я найду свою большую и бездонную, и так же никто не вспомнит обо мне.

Страшно, не правда ли?

(19.03.01)